

Дмитрий ФУРМАН ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ РОССИИ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА — сфера человеческой деятельности, где налицо, возможно, самое большое противоречие между развитой инструментальной рациональностью, рациональностью средств достижения цели и примитивностью и непроясненностью самих целей и тех мотивов, которые побуждают к ним стремиться. Теоретически дипломатия — сфера «холодного расчета». Образ дипломата близок к образу шахматиста, просчитывающего ходы и продумывающего комбинации. Но конечные цели этих иногда действительно хитроумных комбинаций могут при этом вообще не рассматриваться.

Умные дипломаты начала века вели разного рода тонкие игры, в конечном итоге завершившиеся первой мировой войной, которой никто не хотел, гибелью ведущих эти тонкие игры режимов и ослаблением Европы в целом. Умные советские дипломаты за несколько лет до гибели СССР и соцлагеря тратили свои интеллектуальные силы и государственные деньги на борьбу с Западом за влияние в Анголе и Никарагуа и за военное равновесие в Европе. При этом никто уже всерьез не думал ни о войне с США, ни о победе коммунизма во всем мире — борьба шла чисто «инерционная» и абсолютно бессмысленная. (В этом отношении тоталитарные режимы, ставившие перед собой откровенно безумные цели, кажутся даже более рациональными. Гитлер стремился к мировому господству Германии, большевики — к победе коммунизма во всем мире, но они хотя бы знали, к чему стремятся).

Такой характер внешнеполитической деятельности, когда борьба становится самоцелью, а вопросы, связанные со средствами достижения цели, полностью заслоняют вопрос о том, надо ли вообще стремиться к этой цели, и даже — в чем именно она заключается, сохраняется и в современной российской политике. Я приведу только один близкий нам пример. Это длительная и сложная борьба, которую Россия ведет с Украиной за Черноморский флот. Попробуем ответить на вопрос, для чего нам нужен этот флот? (При этом оставляя в стороне мнение экспертов, что уже к 2000 году этот флот будет полностью недееспособен.) Я предлагаю серию ответов: для того, чтобы обороняться в случае, если Турция пойдет на нас войной; для того, чтобы со временем завоевать Крым или вообще кого-нибудь; флот дорог нам как память; мы боимся передать флот Украине, ибо, если Украина станет сильной, она может начать против нас войну; флот нам нужен на всякий случай — мало ли что может произойти и для чего он может пригодиться и т. д. и т. п. Все эти объяснения выглядят смешно и «по-детски». Самое резонное из них, по-моему, — это «на всякий случай, мало ли что может быть». Но это хотя бы объяснение. И объяснять борьбу за флот страхом перед завоевательным походом турок или, наоборот, его использованием при «последнем броске на юг» все же не столь абсурдно и иррационально, как не объяснять вообще — ни для других, ни для себя. Между тем с флотом происходит именно так. Не только правительство не объясняет (я уверен, и не может объяснить), для чего ему нужен этот флот, но, что самое

интересное, этот вопрос не задают даже критикующие правительство журналисты. Флот — абсолютно иррациональный символ наших глубинных психологических комплексов (хотя борьба за него может быть очень рациональной комбинацией шахматного типа). И именно эта иррациональность придает борьбе за флот злоедейский и опасный характер.

И так обстоит дело отнюдь не только с флотом. Вопросы о конечных целях внешней политики сегодня практически не задаются. Отказавшись от мифологической цели победы коммунизма во всем мире, фактически утраченной уже на закате советской власти, мы как бы вообще отказались от любой большой перспективы, предельно сузив свой умственный кругозор. Сейчас у нас, пожалуй, нет уже не только большевистского размаха, но и кругозора дипломатии Российской империи и позднесоветского периода. Тогда — в начале и середине века — было не очень ясно, для чего мы боремся с Германией и Австро-Венгрией или с США, к чему эта борьба должна привести и что мы с ними собираемся в конечном счете делать, но хотя бы было ясно, с кем именно мы боремся. Сейчас не ясно и это, и наш умственный горизонт ограничивается сугубо конкретными сиюминутными целями типа недопущения расширения НАТО, той же борьбы за Черноморский флот, превращения «семерки» в «восьмерку» и т. п., которые не подчинены какой-либо глобальной цели и могут даже полностью противоречить друг другу. Мы даже не пытаемся прояснить для себя, какой мы хотим видеть роль России в мире через 10, 25, 50, 100 лет и какой она в состоянии быть.

Мне думается, что наше внешнеполитическое сознание остро нуждается в прояснении. Мы должны, наконец, разобраться, чего мы хотим, отбросить те желания, которые противоречат более сильным желаниям или нашей морали или которые очевидно недостижимы. Надо навести какой-то элементарный порядок в хаосе наших «внешнеполитических чувств». Если этого не сделать, мы и дальше будем носиться по внешнеполитическому морю, влекомые смутными и противоречивыми импульсами, ставя перед собой противоречащие друг другу цели, нелепость которых прикрывается рациональностью средств их достижения и реализация которых рано или поздно может привести нас к крупным неприятностям.

Цель данной статьи — способствовать этому прояснению, поставив ряд вопросов, связанных с нашими внешнеполитическими стремлениями, приоритетами и целями.

ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ НАШЕЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ очевидна и вряд ли нуждается в доказательствах. Это и противоречивость нашей политики в дальнем зарубежье, где прозападная, иногда даже откровенно услужливая поза периодически нарушается какими-то действиями, которые Запад мог бы охарактеризовать как «мелкие пакости», или даже переходит в позу как бы угрожающую (последняя, поскольку она не подкреплена силой, иногда выглядит даже чуть комично). Это и противоречия между политикой в дальнем зарубежье, где мы в основном стремимся предстать как ответственная держава, руководствующаяся либерально-демократическими принципами, и политикой в ближнем зарубежье, где мы часто ведем себя чуть ли не в духе империалистической державы прошлого века, стремясь, где можно, ввести свои войска и поставить у власти марионеточные режимы, иногда совершенно чудовищные. Наконец, это «децентрализованность» нашей внешней политики, особенно в СНГ, где роль МИДа относительно ограничена и где

отдельные российские ведомства и политические силы могут вести свои собственные, нередко противоречащие друг другу «внешние политики».

Все это приводит к тому, что наша политика предельно хаотична. Мы не только можем сначала делать одно, а потом — прямо противоположное (например, отказывать в помощи Наджибулле и затем ставить в Таджикистане режим, по сравнению с которым, как считают некоторые наблюдатели, режим Наджибуллы — образец либерализма западного типа), не только бесконечно отказываемся от каких-то уже сделанных заявлений (о выводе войск из Прибалтики, об отношении к расширению НАТО, о «Партнерстве во имя мира», — список можно продолжить), но у нас МИД может вести переговоры о мире в Абхазии, вроде бы и не ведая, что военные уже подготовили окончательное изгнание оттуда грузин; Газпром ведет иную политику, чем МИД, в отношении азербайджанской нефти, а губернатор Приморья претендует на то, чтобы проводить свою линию в отношениях с Китаем. Если различать во внешней политике курс, который может меняться в зависимости от обстоятельств, и относительно постоянный «стиль», то мы можем сказать, что курс у нас настолько неопределенный, постоянно меняющийся и противоречивый, что его как бы вообще нет, «стиль» же очень определенный, яркий и неповторимый — специфически суетливый, «мельтешащий» и хаотичный стиль постсоветской России.

Стиль внешней политики страны обусловлен тем, какая это страна, каковы ее внутренняя организация, мировоззрение и «психика». И специфические черты нашего стиля — отражение специфики нашего общества. Основная черта этого общества — сочетание новых «западных» политических и социальных форм и официально признанных ценностей со старой советской номенклатурной элитой, совершившей акт «переодевания» в эти новые формы, ибо советская коммунистическая идеология умерла, и в новой символике и организации элита увидела возможность сохранить и укрепить свои господствующие позиции и устроить себе более свободную, богатую и «красивую» жизнь. При этом, естественно, возникает колоссальное противоречие между привычками чувств, мышления и поведения, сформированными годами, ушедшими на партийные и советские карьеры, и новой символикой и постулируемыми ценностями. Советское «белье» все время высовывается из-под нового «смокинга», и «отец русской демократии» вдруг повергает мир в изумление мыслью, что за помощь жертвам землетрясения на Сахалине японцы могут потребовать Курилы; стремление войти в западные структуры сочетается с вполне советским страхом, что НАТО приближается к границам России и т. д.

Различие в нашем поведении в отношении Запада и в отношении соседей по СНГ — отражение того же противоречия. Запад был предметом зависти для нашей элиты еще в советские времена, и сейчас она активно стремится войти в «респектабельное западное общество». Поэтому за пределами СНГ мы «следим за собой», стараемся вести себя пристойно, что, естественно, не всегда получается. Политика же в СНГ — «домашняя», здесь сплошь знакомые лица, и для нас трудно свыкнуться с мыслью, что, например, бывший первый секретарь ЦК КП Грузии — теперь президент независимого государства, что-то вроде Ширака, а Грузия — давно уже действительно другая страна. Страны СНГ продолжают ощущаться как «свои», а среди «своих» особенно стесняться не надо, здесь свободно действуют старые привычки и импульсы. Кроме того, в ближнем зарубежье меньше роль МИДа, представляющего собой наиболее «вестернизированную» часть нашей элиты и больше — менее ориентированных на Запад ее группировок (прежде всего, конечно, военных).

Рассогласованность «внешнеполитических курсов» отдельных ведомств — тоже прямое отражение нашего состояния, ибо, уничтожив КПСС, наша элита так и не смогла еще выстроить свою единую и упорядоченную организацию: она разделена на грызущихся друг с другом за власть и за долю в государственной собственности, растаскиваемой номенклатурными (и номенклатурно-криминальными) группировками. При этом группировки эти не чисто российские, они тысячами нитей связаны с аналогичными группировками в других странах СНГ.

Наша элита очень мало зависима от народных масс, особенно в сфере внешней политики. Но какая-то зависимость все же есть, и еще более непроясненные и противоречивые, чем элиты, импульсы, идущие от народной толпы, периодически ощущаются и еще более усиливают противоречивость политики.

Изучение зигзагов нашей политики и определяющих их разнообразных противоречивых импульсов — тема, способная доставить исследователю немало как грустных, так и очень даже веселых минут. Но сама по себе тема эта весьма обширна. Мы остановимся на одном, но, очевидно, важнейшем ее аспекте — нашем стремлении к величию, к тому, чтобы быть не просто Россией, но Великой Россией.

САМЫЕ РАЗНЫЕ И ДАЖЕ ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ наши внешнеполитические действия — от стремления иметь свои военные базы в Закавказье до высказываемых с почти детской непосредственностью мечтаний о том, что «семерка» скоро станет «восьмеркой»; от хамского «Что мы будем делать с Украиной?» до радости, что без нас не обошлись в Боснии и российского представителя не забыли пригласить на какие-нибудь очередные ближневосточные переговоры — имеют общую психологическую природу. Это своеобразное и очень характерное для нас «статусное беспокойство». Мы очень хотим быть «великими», и фраза «Россия была, есть и будет великой державой» повторяется у нас подобно заклинанию. Но она потому и повторяется, как заклинание, что в глубине души у нас большие сомнения — действительно ли мы «великие» и считают ли нас таковыми другие. И как все озабоченные своим величием люди, мы суетливы, обидчивы и подозрительны. (Между прочим, очевидно, нет страны, чей стиль поведения более контрастировал бы с нашим и указывал на совершенно иную психологию, чем Китай. Трудно даже вообразить китайских лидеров, мечтающих, скажем, о том, чтобы их пригласили на встречу «семерки», и при разных конфликтах сразу же проявляющих суетливость, предлагая себя в посредники, как это делал Е. Примаков во время кувейтского кризиса и делает А. Козырев во время боснийского.)

Откуда же появилась эта «статусная тревога»? Ясно, что прежде всего она — результат падения СССР и соцлагеря. Большевицкая идеология не только спасла от гибели Российскую империю, но и создала затем на ее базе самую грандиозную (в «лучшие годы» — от Меконга до Эльбы) империю в мировой истории. Это была «идеологическая империя» (что-то вроде Халифата), которую наша страна сама по себе, без коммунистической идеологии, никогда создать не могла бы (более того, несомненно, что без коммунистической идеологии она не удержала бы и старой Российской империи). Но так как центром ее была Москва, ядром и основной базой — Россия, то в сознании русских, да и других народов, эта империя и была собственно Россией. Мощь коммунистической идеологии причудливым образом соединялась в нашем сознании с мощью русского оружия, с Александром Невским, Дмитрием Донским и Михаи-

лом Кутузовым. При этом, поскольку во многих аспектах мы даже в самые блестящие советские времена не могли не чувствовать некоторой «ущербности», «неполноценности» по сравнению с Западом, психологическая роль империи была для нас особенно велика.

Сейчас рухнули оба «имперских круга» — и круг вассальных коммунистических государств, и круг союзных республик, причем произошло это быстро и без какой-либо психологической подготовки и адаптации. И хотя это компенсируется обретенной свободой (впрочем, она не так велика и во многом сводится лишь к свободе слова), это отнюдь не компенсируется (если не говорить об очень узком слое элиты) ростом благосостояния. Естественно, что нам сейчас тяжело. СССР и соцлагерь «болят», как болят, по рассказам, отрубленные руки и ноги. Сжиться с тем, что на Ближнем Востоке или в Боснии мы ничего особенного предложить и осуществить не можем, или с тем, что, например, Казахстан — отныне такое же государство, как Россия, очень трудно.

С унаследованной от советских времен привычкой к величию неразрывно связана и другая привычка — к борьбе. Величие как бы подразумевает, что ты кому-то противостояшь. В советские времена враг был ясен — «капиталистический мир» и прежде всего США. Сейчас нам одинаково трудно как без бывшего величия, так и без врага, наличие которого придавало нашей жизни некоторую осмысленность. И мы как бы ищем врага, иногда прибегая для этого к помощи разного рода геополитических и «цивилизационных» схем в духе конца прошлого — начала нынешнего века. Периодически он обнаруживается в «пантюркизме», в «исламизме», в Китае, все в той же привычной НАТО, выступающей теперь уже не как идеологический и «классовый», а как «геополитический» противник («морские державы», противостоящие континентальному «ядру Евразии»).

Как бороться за величие, мы не знаем, разные его образы, подразумевающие разные стратегии, противоборствуют в нашем сознании, создавая специфическую хаотичность нашего внешнеполитического поведения. Но одно ясно — от «статусной тревоги» избавиться нам будет очень трудно, она еще долго будет определять наш внешнеполитический стиль.

Попробуем, однако, разобраться, какие же это образы, какие стратегии они подразумевают и к каким результатам можно прийти, следуя этим стратегиям.

СУЩЕСТВУЮТ ТРИ РАЗНЫХ ОБРАЗА «Великой России», противоречащие друг другу и предполагающие различные политические курсы. Каждый из них имеет у нас своих приверженцев, но они могут и сосуществовать в одном не замечаящем их противоречий сознании и могут легко сменяться один другим.

Первый образ — это образ величия как «физической величины», предполагающий территориальную экспансию, образ для современного мира архаичный и пережиточный, характерный лишь для некоторых стран (в основном «третьего мира») с особо безумными режимами либо особо болезненным и травмированным национальным сознанием. У нас в своих крайних формах он присутствует лишь у маргинальных и неэлитарных групп вроде ЛДПР, живущей мечтами о походе на юг или еще куда-нибудь. Но в смягченной форме, когда речь идет о присоединении пограничных территорий, населенных русскими, он характерен и для вполне респектабельных и «умеренных» представителей элиты. Даже вполне либеральные и в целом «западнически» настроенные люди могут рассуждать о необходимости присоединения Крыма или, на худой

конец, хотя бы Севастополя, «города русской славы». (Подобно тому, как в веймаровской Германии о завоевании мира могли мечтать лишь маргиналы-фашисты, но о присоединении Австрии или Судет — даже вполне либеральные немцы.) В скрытой, непротовариваемой и, может быть, даже не осознаваемой до конца форме он, очевидно, присутствует и в нашей борьбе за Черноморский флот (нечто вроде тайной надежды, что ситуация может так или иначе измениться, возникнет возможность что-нибудь присоединить, и тут-то флот и пригодится), и в нашей симпатии к сербам (мы их очень хорошо «понимаем», ибо сами находимся в сходной ситуации и чувствуем схожие импульсы и, кроме того, возможно, втайне надеемся, что если получится у сербов и мировое общество смирится с расширением Сербии, то, может быть, со временем получится и у нас). Поэтому сказать, что мы полностью отказались от этого образа и соответствующей стратегии, нельзя. Сейчас они не доминируют, но в какой-то ситуации, если другие стратегии явно не будут приводить к желаемым результатам, а тяга к «величию» не ослабеет, они могут выйти в нашем сознании на первый план, а их приверженцы — на передний план нашей политической жизни.

Опасность такого пути, равно как и абсолютная невозможность, следуя им, достигнуть «Великой России», очевидны. Современный мир — это мир, покончивший с территориальной экспансией, удачных примеров которой в послевоенный период практически не было (Ирак был вынужден уйти из Кувейта, Сомали не сумело присоединить Огаден, даже Израиль, любимое дитя западного мира, уходит с арабских территорий, и похоже, что ничего не выйдет и с созданием Великой Сербии). Попытки территориальной экспансии с нашей стороны привели бы к немедленной и полной изоляции, в которой против нас объединились бы и Запад, и мусульманский мир, и Китай, и через какое-то время с захваченных территорий все равно пришлось бы уйти. Кроме того, даже если представить себе, что Россия каким-то чудом приобретет Крым, Донбасс и Северный Казахстан, особого величия ей это не прибавит.

Второй образ тоже связан с территориальной экспансией, но в смягченной и завуалированной форме. Это образ России, окруженной странами-вассалами или слабыми союзниками (что одно и то же). Для его мечтательного конструирования и идеологического обоснования иногда создаются разного рода конструкции типа «евразийской общности», «славянской общности» и «православной цивилизации». Легко заметить, что эти конструкции исключают друг друга, ибо славянская общность не может быть православной, а православная — евразийской, но очень часто они присутствуют вместе, даже в статьях одного и того же автора. В основном в ту же категорию входят и идеи восстановления СССР и преобразования СНГ в какое-то очень «тесное» объединение, ибо только очень идеалистически настроенные или наивные люди (впрочем, такие люди есть) могут думать о действительно равноправном союзе Грузии или Киргизии с российским гигантом.

Этот путь достижения величия — отнюдь не только умозрительные мечтания и теоретические конструкции. Это путь нашей реальной политики в СНГ, где сохранившаяся с советских времен психология нашей элиты (и не только элиты) не может свыкнуться с идеей независимости бывших союзных республик. Именно для этого, для «привязывания» к нам, обеспечения нашего влияния и недопущения чужих влияний, мы, например, в Грузии поддерживали осетин и абхазов, помогали свергнуть режим Гамсахурдиа, добились ввода войск в Абхазию и военных баз, в Азербайджане устраивали и удачные, и неудачные перевороты, в Таджикистане привели к власти теперешнее правительство и т. д.

К чему может привести этот путь? Я думаю, что в конечном счете он

ни к чему хорошему не приведет. Мне кажется, что наша политика в СНГ делает практически неизбежным появление здесь через некоторое время сильных антироссийских движений и в конечном счете — приход к власти открыто антироссийских правительств. Нельзя, например, представить себе, что в Таджикистане до бесконечности будет сохраняться теперешний режим, а изгнанные из страны таджики так и не смогут вернуться. Но, когда этот режим рухнет, следующее правительство просто не сможет не быть антироссийским. И вряд ли помогут военные базы, которые скорее иллюзия силы, знаки, которыми «метится» территория. И в Восточной Европе, и в Прибалтике, и в Афганистане нашего военного присутствия было более чем достаточно, и если Украина радикально с нами разоидется, Черноморский флот никакой роли не сыграет. Кольцо вассалов очень легко может превратиться в кольцо врагов. Кроме того, Россия, бесконечно кого-то подавляющая на своей периферии, воюющая то в одной, то в другой республике, — это тоже отнюдь не Великая Россия, сопоставимая с СССР или хотя бы с Российской империей.

Если впервые два образа величия архаичны, то третий — современный. Это величие таких стран, как США, Япония, Германия, в общем — «семерки» стран, отказавшихся от территориальной экспансии, мощь которых имеет совсем иную природу. Это прежде всего мощь развитой экономики и стабильной демократической социально-политической системы. Эти страны, в основном действующие согласованно и преодолевшие основные противоречия, образуют как бы «элику», «аристократию» современного мира. «Семерка», Западная Европа, Совет Европы, НАТО — это как бы система закрытых аристократических клубов. И, как любая аристократия, эта «аристократия стран» вызывает у тех, кто к ней не принадлежит, сложные чувства — и стремление войти в ее ряды, в круг «избранных», и одновременно зависть и злобу (при этом злоба — это своего рода негативное признание превосходства). Стремление войти в этот «клуб», присутствовавшее, несмотря на нашу борьбу с империализмом, и в советский период (во всяком случае, позднесоветский), сейчас доминирует в нашей политике в дальнем зарубежье (хотя есть и обида, что нас все-таки не принимают, и зависть, и стремление периодически бросать палки в западные колеса, напоминая тем самым о своем существовании).

Может ли эта стратегия увенчаться успехом, примут ли нас в среду «респектабельных господ», превратится ли в конце концов «семерка» в «восьмерку»?

Теоретически это вполне возможно (и, наверное, желательно, хотя вполне можно спокойно жить и без участия в клубах), но очень трудно. И дело отнюдь не только в том, что мы страна относительно бедная и с «переходной экономикой». Дело в том, что «западный клуб» — это не столько клуб богатых и сильных, сколько прежде всего клуб «респектабельных».

Во всех наших внешнеполитических расчетах мы, как мне кажется, резко преувеличиваем роль «национальных интересов» (термин не очень-то определенный, но подразумевающий все же нечто материальное — нефть, деньги, территорию, военную мощь) и недооцениваем роль более «тонких» психологических факторов. Между тем в отношениях государств, как и в отношениях отдельных людей, наряду с материальными «интересами» присутствует сложнейшее, отнюдь не «материальное» и рациональное, а психологические факторы — ненависть и любовь, зависть и жалость, уважение и презрение и многое другое. Материальный фактор «национальных интересов» может играть во внешней политике не только подчиненную роль, но, более того, может служить

идеологическим прикрытием «чего-то глубоко не материального». (Ясно, что, когда гитлеровская Германия вступила на путь мировой войны, национальные интересы были лишь прикрытием болезненных психологических комплексов. А разве можно объяснить «национальными интересами» ставшую под конец совершенно бессмысленной гонку вооружений в СССР?) При приеме в «западный клуб» материальный фактор тоже далеко не самый важный. Куда важнее, чтобы тебя «уважали», признали за «своего». А для этого нам нужно очень многое.

Страну с нашим теперешним президентом, военным министром, министром иностранных дел и лидером крупнейшей оппозиционной партии ни в какие «семерки» и Советы Европы скорее всего не пустят, даже если пустить станет выгодно и чисто рациональные соображения будут диктовать Западу наш допуск. Но естественно, что сменить верхушку и избрать «кого-то поприличнее» — отнюдь не достаточно. Мы должны построить правовое общество, достичь демократической политической стабильности, достичь экономической стабильности, приобрести совсем иные, не суетливые и беспорядочные, манеры внешнеполитического поведения (а это значит — умерить «статусное беспокойство»), радикально сменить стиль отношений с соседями по СНГ. Быстро совершить такие перемены нельзя. Таким образом, этот путь, путь интеграции в западные структуры, хотя и возможен, но очень сложен и долог.

Но, допустим, мы проходим этот путь. Лет этак через 25 Россия забудет о нашем дирижирующем президенте, о разгуле мафий, о штурме Белого дома, о Чечне и о многом другом, станет процветающей, уверенной в себе, лишенной «статусного беспокойства» и «несуетливой» страной, уживающейся с Украиной не хуже, чем США с Канадой и т. д. и т. п., членом всех возможных «семерок» и Советов Европы. Станет ли она таким образом «великой державой»?

Великая держава — термин достаточно неопределенный, и вполне можно называть такую будущую Россию великой державой, никому не возбраняется в конце концов называть так и теперешнюю. Но надо отдавать себе отчет, что даже при самом оптимистическом и благоприятном варианте развития реальный «вес» России в мире на протяжении XXI века неизбежно будет уменьшаться. И уменьшаться он будет вместе с «весом» всего «аристократического клуба», в который мы так стремимся попасть.

ЛЮБОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ «ПРОРЫВ» в истории поначалу дает грандиозные преимущества тому обществу или обществам, в которых этот прорыв произошел. Те, кто приручил лошадь, стали страшны для всех соседей и непобедимы. Те, кто создал железное оружие, мог легко победить жалких обладателей оружия бронзового и т. п. Но никакое открытие, никакое техническое достижение не может до бесконечности оставаться монополией его изобретателей и создателей. Рано или поздно его усваивают другие. И преимущество первооткрывателей исчезает.

Западный мир на заре новой истории совершил нечто вроде «супероткрытия» или «метаоткрытия». Он создал механизм совершения бесконечных открытий, постоянного и ускоренного роста всяческих знаний — современную науку и технику и «открытый» социально-политический строй, при котором наука и техника могут свободно развиваться, не ограничиваемые догмами и сакральными, неприкосновенными институтами, становятся основной движущей силой общества и основным источником его мощи. Частные открытия и технические усовершенствования пошли потоком, который не прекратился до сих пор, и не ясно, что и когда сможет его прекратить.

Ясно, что это «супероткрытие» дало западному миру грандиозные преимущества, во много раз превышающие преимущества каких-либо представителей древних цивилизаций перед окружающими варварскими народами (греков перед фракийцами или скифами, римлян перед галлами и германцами). Преодолеть этот разрыв «незападному» миру крайне сложно, ибо речь здесь идет не о заимствовании того или иного изобретения, а о заимствовании всего этого культурного, социального и политического «механизма», о радикальном, глубинном преобразовании других культур. К каким же внешнеполитическим, международным следствиям ведет появление современной западной цивилизации — цивилизации, построенной на принципиально иных основаниях, чем все прочие, «открытой» и динамичной?

Следствия эти во многом парадоксальны. Если сам западный мир шел к постепенному расширению и углублению демократии, являющейся одним из необходимых компонентов этой современной, основанной на науке и постоянном и безграничном росте знаний цивилизации, то сфера международных отношений в начале новой истории стала предельно недемократической, более, чем в какой-либо предшествующий период мировой истории, «олигархической». Запад шел к претворению в жизнь принципа «Один человек — один голос», а на международной арене устанавливалась система, при которой голос одного англичанина или француза равен, условно говоря, миллиону голосов индийцев, китайцев или африканцев. И иначе просто не могло быть, ибо один англичанин в некотором роде действительно «стоил» очень многих индийцев — небольшие по численности английские войска покоряли великую Индию, горстка солдат и чиновников поддерживала в ней порядок и проводила колоссальные, более чем революционные преобразования. Если внутренняя жизнь западных стран становилась все демократичнее, то международные отношения оказывались исключительной сферой деятельности «лордов» и «баронов» — Англии, Франции, послепетровской России (не до конца, в силу особенностей своего внутреннего строя и культурного отставания, но все же вошедшей в эту европейскую «палату лордов»), а «крестьяне» — индийцы, китайцы, африканцы — не имели вообще никакого права голоса.

Но где-то с начала нынешнего века ситуация начинает стремительно меняться. (Первый «звоночек» — это стремительный подъем Японии и военное поражение, нанесенное ею России, вызвавшее волну восторгов по всей Азии: оказывается, азиатский народ может победить европейцев, к которым на Западе русских причисляли с оговорками, но в Азии — без каких-либо оговорок). Как ни труден и ни мучителен процесс усвоения «западной цивилизации» народами с абсолютно иными культурами, он идет (и в ходе этого процесса западная цивилизация перестает быть западной, становится просто современной и общечеловеческой). Он идет и в колониях европейских держав, где происходит интенсивнейшее усвоение колониальными народами не только европейских технических достижений и навыков, но в конечном счете и европейских «ценностей» науки, права, демократии. Он идет и в странах, которые, как Япония, Китай или Таиланд, в силу ряда факторов сумели сохранить независимость. Это процесс болезненных «мутаций» неевропейских культур, кровавый процесс, проходивший, например, в Китае через десятилетия непрекращавшихся гражданских войн. В одних странах он в силу тех или иных культурных особенностей идет легче (Япония), в других — особенно трудно. Причем трудности, которые преодолевают в ходе его разные страны, — разные не только по степени, но и по «содержанию», ибо разные культуры более легко или более трудно усваивают различные аспекты современной цивилизации. Нечего и

говорить, что процесс этот далеко не завершен, а впереди еще множество трудностей и наверняка немало страданий и крови. Но его незавершенность не должна закрывать нам глаза на грандиозность уже пройденного пути. Пусть Индия, Китай, Индонезия и т. д. — еще далеко не современные общества, но «цивилизационный разрыв» между ними и европейскими народами сейчас неизмеримо меньше, чем в ту эпоху, когда горстка англичан покоряла Индию, когда европейцы бесчинствовали в Китае, а крохотные Нидерланды управляли Индонезией. Каковы же международные следствия этого процесса?

В XX веке иметь колонии, где постепенно формируется современная интеллигенция, возникают общества современного типа, и вообще вести себя с неевропейскими странами так, как вели в XVIII — XIX веках, становится и «неприлично», и просто невозможно. Колонии освобождаются, и происходит радикальная демократизация системы международных отношений. Этот процесс — естественное следствие развития и распространения западной по своему генезису цивилизации. Освобождение колоний, становление в странах Азии и Африки обществ современного типа, превращение народов этих стран в субъект международного права можно рассматривать как величайший триумф этой западной цивилизации, ее окончательное превращение в мировую. Но это такой своеобразный триумф, при котором триумфатор должен «потесниться». Победа «западных» ценностей одновременно означает, что неевропейский мир перестал быть вотчиной горстки западных стран — «баронов», каким он был еще в первой половине XX века. Распространив свою цивилизацию, Запад тем самым ограничил способность распоряжаться судьбами незападного мира, ограничил собственную «мощь». Если в XVIII — XIX веках «голос» одного англичанина, француза или русского значил столько же, сколько «голоса» тысяч азиатов и африканцев, то в XX веке это соотношение стремительно сокращается.

Ясно, что и современный мир далеко не демократичен. В нем не только колоссальные различия в богатстве и культуре и соответственно «влиянии», но и различия в правовом статусе. И если «семерка» — это «аристократический клуб», не имеющий международно-правового статуса и значения, который никому не возбраняется создавать, то постоянное членство в Совете Безопасности Англии и Франции и отсутствие в нем громадных Индии, Пакистана, Индонезии, Бразилии — это признание на международном уровне тех недемократических принципов, которые давно исчезли во внутреннем строе подавляющего большинства современных обществ. (Строй ООН в какой-то мере можно сравнить со строем Англии до парламентских реформ, где аристократические местечки имели больше мест в парламенте, чем громадные рабочие города типа Манчестера.)

Однако мы должны не только видеть современный мир с его сохраняющимся колоссальным фактическим (и даже юридическим) неравенством между народами, но и тенденции развития этого мира. За сто лет Индия превратилась из колонии в мощную современную державу со стабильным демократическим строем и динамичной экономикой (хотя, естественно, с многообразными и болезненными проблемами), Китай из страны, где европейцы, в том числе и русские, делали все что угодно и делили ее на сферы влияния, — в государство громадной экономической и военной мощи, причем очень быстро и успешно эту мощь наращивающее. И какими бы ни были, раздираемыми противоречиями и несчастными ни казались сейчас многие африканские государства, сто лет назад это были просто дикие племена, вооруженные копьями. Если мы хотим представить себе мир через сто лет, мы должны экстраполировать эти тенденции.

Сто лет назад один англичанин «стоил» тысячи китайцев или индийцев. Допустим, что сейчас он «стоит» пятидесяти. Но ясно, что через сто лет (а может быть, и значительно раньше) по образованию, умению работать, умению организовать свою социальную жизнь они сравняются. Мир становится все более демократическим, и распределение мощи между государствами все более будет приближаться к распределению численности населения. «Один человек — один голос». Что это означает для России?

Наша страна всю свою историю была ориентирована на Европу, на Запад, что вполне естественно в силу близости культур и большей развитости западных обществ, которым мы завидовали, подражали и периодически проклинали. Это продолжается и до сих пор. Наш взор прикован к Западу, и мы, как мне представляется, не осознаем до конца, какие мощные страны примыкают к России с востока и юга. Мы «догоняем» Запад и пытаемся войти в западный мир. Но еще быстрее и Запад, и нас будут догонять китайцы, индийцы, пакистанцы, в конце концов и наши узбеки и казахи. Нет никаких оснований полагать, что через сто лет средний китаец не сможет работать так же хорошо, так же творчески и не будет обладать таким же образованием, как и средний русский. А богатство и мощь нации в конечном счете зависят только от труда. Поэтому в конце будущего века соотношение мощи России и Китая будет приближаться к пропорции 1:10 (если брать соотношение численности населения). Китайцы (и вообще народы Востока и Юга) будут догонять нас, даже если мы будем очень успешно развиваться, а им придется в ходе их дальнейшей политической модернизации пройти через какие-то кровавые катаклизмы.

Таким образом, ни при каком, даже самом идеальном, варианте развития Россия в конце следующего века великой державой никак быть не может. Это будет довольно маленькая страна, пусть и занимающая большую территорию (в конце концов территория Гренландии тоже очень велика), примыкающая к гигантам, военный конфликт с которыми будет иметь для нее те же следствия, что имел бы военный конфликт с Россией, скажем, для Румынии или Казахстана. Для нашего сознания эта перспектива неприемлема. Но есть много не приемлемых для сознания перспектив, которые тем не менее неотвратимы. Такие перспективы все же надо принимать, ибо стараться не замечать неотвратимости чего-то для нас нежелательного может означать лишь его приближение. Если сто пятьдесят миллионов россиян будут из кожи вон лезть, чтобы иметь военную и политическую мощь, большую, чем миллиард китайцев, они только еще больше и еще быстрее ослабеют. Наша теперешняя слабость (не только экономическая, политическая и военная, но и просто человеческая, моральная, психологическая) — прямое следствие нашего перенапряжения в советскую эпоху, когда мы пытались быть в военном отношении наравне с Западом — и плюс к нему с Китаем. Перспективу нашего превращения в относительно «маленькую» страну надо принять, потому что ничего иного делать не остается. Принимай — не принимай, а это все равно неизбежно произойдет.

Но мне кажется, что эту перспективу надо принимать и из моральных соображений. По современной, христианской, мусульманской, вообще какой угодно морали каждый человек так же ценен, как и любой другой — белый он или желтый, русский или узбек, мужчина он или женщина. Ситуация, когда один европеец «стоит» многих азиатов или африканцев, — это ситуация реальности, но реальности, с которой моральное чувство согласиться не может. Поэтому, если «вес» в мире одного китайца будет равен «весу» одного русского (и соответственно «вес» Китая — в десять раз больше «веса» России), это по-человечески

будет морально и справедливо. Желать, чтобы этого не произошло, то есть желать всяких бед китайцам, просто нехорошо. Даже если такое желание возникает, его надо подавлять.

Таким образом, перспективу относительного уменьшения нашего «веса» в мире следует принять и потому, что это подсказывает разум, и потому, что это подсказывает мораль (что, однако, отнюдь не означает, что мы ее легко примем). Но допустим, что мы ее приняли. Какова при этом должна быть внешняя политика России?

ЯСНО, ЧТО ПРИНЯТИЕ этой перспективы, адаптация к ней означают радикальное изменение всего нашего внешнеполитического поведения. Мы должны «успокоиться» и перестать приставать к другим с вопросом: «Признаешь ты меня за великую державу или нет?»

Мир людей, озабоченных своим статусом, — это очень трудный мир. Опасности подстерегают на каждом шагу, травмы наносятся одна за другой. Таков наш теперешний мир, наполненный страхами типа — вдруг Украина сблизится с Западом и войдет в НАТО, а нас туда не примут; вдруг тюркские республики СНГ и Турция создадут какое-нибудь «Тюркское содружество»; вдруг «семерка» соберется, а нас и не позовут, забудут и т. д. В основе своей все это пустые страхи, плод больного воображения. Даже если НАТО приблизится к границам России, а тюрки и впрямь создадут какое-нибудь содружество, ничего страшного не произойдет, ибо НАТО или тюрки, завоевывающие Россию, — это образы далеко не научной фантазии. Мы боремся с выдуманными псевдоопасностями и при этом своим противодействием их как раз приближаем, ибо, если бы мы не проявляли такой тревоги по поводу расширения НАТО и не пугали бы этим соседей («раз русские не хотят, чтобы мы были от них в безопасности, значит, они хотят иметь нас в своей сфере влияния, а может быть, и завоевать»), эти соседи и сами бы, возможно, в НАТО не стремились. Если мы сами успокоимся, во многом успокоится и мир вокруг нас.

Значит ли это, что вообще все внешние опасности — это просто порождение наших невротизмов и внешний мир для нас полностью безопасен? Сейчас он практически безопасен, и опасность от наших собственных вооруженных сил, от наших взрывающихся арсеналов и тонущих ядерных подводных лодок во много раз больше, чем опасность какой-либо агрессивной войны против нас, в которой эти вооруженные силы должны были бы нас защищать. Основные угрозы для нашей безопасности — внутренние, угрозы экологических катастроф, социального хаоса, экономического краха, терроризма. Но все же говорить о полной безопасности от потенциальных внешних угроз нельзя. Потенциальная (именно потенциальная, а не актуальная) опасность для нас есть, и исходит она, конечно, не с запада, а с юга, от стран «третьего мира».

Дело в том, что, хотя и в этих странах идет постепенное распространение и усвоение демократических норм, в результате чего в конце концов должны произойти и внутреннее успокоение, и ослабление агрессивных импульсов, как это произошло в Европе, путь этот далеко еще не завершен. По пути, ведущему от Цинской империи к современной демократии, китайцы, может быть, прошли две трети. Но треть пути все-таки осталась. И теоретически на этой трети может произойти все что угодно. Китай — страна по своей культуре и психологии не агрессивная. Символ традиционного китайского отношения к миру — Великая Китайская Стена. Китай даже при Мао Цзэдуне не завоевал и Макао (хотя, скажем, «гандистская» Индия захватила Гоа) и сейчас ведет себя на международ-

ной арене очень спокойно и «достойно». Но Китаю еще предстоит сложный переход к демократии, а подобные катаклизмы могут сопровождаться повышенной агрессивностью, подобной той агрессивности, которая сопровождала связанные с процессом демократизации сдвиги в социальной толще России, Германии, Италии, совсем недавно — Ирана. И если это произойдет где-то в середине следующего века, то случится в стране, обладающей колоссальной силой, превышающей нашу силу. Аналогичные опасности могут возникнуть и от других наших южных соседей. Путь к стабильной и «спокойной» демократии народов Средней Азии, Пакистана, Ирана будет долгим и трудным, на этом пути тоже может быть все что угодно, а соотношение наших сил и сил этих народов также будет меняться в их пользу. «Центрироваться» на подобных опасностях не нужно. Это чисто гипотетические опасности, и постоянно думать о них — все равно что постоянно думать об угрозе пожара, болезни или автомобильной катастрофе. Но и пожары, и болезни, и катастрофы надо стараться предотвратить. Как же это сделать?

Разумеется, в обозримом будущем мы должны иметь боеспособные вооруженные силы, достаточные для того, чтобы перспектива военного конфликта с нами была бы болезненной даже для гигантов. Но при достаточной степени агрессивности страна вполне может пойти и на относительно болезненную войну. Выиграть же войну при соотношении сил один к десяти нельзя. Значит, военным путем полностью обезопасить себя мы не можем. Но есть и другой путь.

Прежде всего следует осознать, что подобные опасности существуют не только для нас. Это опасности для всех. Страх западного мира перед «непредсказуемой» Россией с ее жироиновскими во многом сходен с нашим страхом перед мусульманским миром или Китаем, ибо Россия — тоже еще не «устоявшаяся» до конца, не «успокоившаяся» страна. Поэтому борьба с подобными опасностями, защита от них — не только наше дело.

Выше сравнивался строй современного мира со строем Англии перед парламентскими реформами. Я понимаю всю условность и поверхностность такого сравнения, но мне кажется, что оно способно немного помочь понять теперешнюю ситуацию. В обществе существует созданный либеральной аристократией правопорядок, при котором правит аристократия, и ее привилегии гарантированы тем, что широкие народные массы не имеют или почти не имеют права голоса. Но либеральные принципы требуют расширения избирательного права, и этого же требует мощный подъем новых социальных слоев — и рабочего класса, и новых буржуазных слоев, которые грозят революцией. Предоставлять права этим новым социальным слоям страшно: во-первых, потому что это значит утрату власти, во-вторых, потому что психология и культура этих поднимающихся слоев таковы, что угрожают либеральному правопорядку и старой доброй культуре. Обществу грозит «хам». Что делает в этой ситуации умная английская элита? Она, с одной стороны, безжалостно расправляется со всякими бунтовщиками и смутьянами, с другой — не дожидаясь революции, расширяет избирательное право. Новые слои интегрируются в либеральную систему, принимают ее «правила игры». И вскоре выясняется, что не такие уж они и «хамы», что можно иметь британскую монархию и даже палату лордов при рабочем премьере.

Существующий в современном мире либеральный правопорядок создан западными странами — аналогом либеральной аристократии. Но происходит подъем стран «третьего мира». Они в какой-то мере интегрируются в правопорядок, но интеграция эта не полная, поведение таких стран очень отличается от поведения создавших мировую систему

джентльменов. И система сохраняет черты недемократические, аристократические (постоянные члены Совета Безопасности). При этом время работает на «третий мир», как в Англии оно работало на широкие народные массы. Что же делать, чтобы не возник хаос, чтобы порядок сохранялся?

Думается, нужно, с одной стороны, его укреплять, усиливая организации мирового сообщества, создавая эффективные международные полицейские силы, способные наказать «хулиганов». Бросить вызов мировому сообществу, ООН должно означать неотвратимое и суровое наказание. Но для защиты мирового порядка, естественно, нужны не только полицейские меры. Нужна единая мировая политика, предотвращающая напряжение в отношениях между странами и предотвращающая внутренние социальные конфликты, которые могут вести к приступам агрессивности. Мировое сообщество должно всячески облегчать социальную и политическую трансформацию развивающихся стран. И одновременно с этим должен идти процесс «демократизации» мирового сообщества, перераспределения в нем власти и влияния в пользу гигантов «третьего мира». Мы не знаем, какие формы примет организация мирового сообщества в середине или конце XXI века. Нельзя, разумеется, представлять себе мировое правительство и мировой парламент по типу правительства и парламента современного государства. Но все же рано или поздно, судя по всему, будет существовать «что-то в этом роде». И в будущем мировом парламенте на сто китайцев, очевидно, должно приходиться пятнадцать россиян и двадцать пять американцев.

Процесс усиления организаций мирового сообщества, превращения их в силу, значительно превышающую силу любой отдельной страны, нужен не только для борьбы с международными «хулиганами» вроде режима Саддама Хусейна. Он нужен для решения множества глобальных проблем современности, в конечном счете для выживания человечества. И этот процесс уже идет, хотя и со «скрипом», и будет идти дальше — быстрее или медленнее.

Но подумаем теперь, каким странам он особенно нужен. Нужен ли он, например, Китаю? Полагаю, нужен, поскольку он нужен всем и поскольку «вес» Китая в мировых органах будущего будет очень велик. Но Китай и так становится все сильнее, и особой потребности в помощи «мировой полиции» для защиты от потенциальных агрессоров он не испытывает. Нужны ли США усиление органов мирового сообщества и их демократизация? Это в какой-то мере соответствует американской демократической идеологии, американскому «духу», хотя, с другой стороны, противоречит американской привычке к лидерству. Но, с точки зрения своих эгоистических, «материальных» национальных интересов, Соединенным Штатам это не очень нужно. Во-первых, любое усиление наднациональных институтов мирового сообщества означало бы какие-то формы перераспределения богатства от богатых в пользу бедных, то есть от США, например, в пользу Черной Африки, что не так уж приятно для первых. Во-вторых, американцы все-таки очень сильные, и им еще не скоро может кто-нибудь серьезно угрожать. Географическое положение США таково, что такие вызывающие их опасения страны, как Ирак, Иран или Ливия, до них не достанут.

Совсем иное дело — мы. Россия не входит естественно, органично ни в какую международную группировку типа западноевропейской или АСЕАН. У всех соседей есть на нас какой-то «исторический зуб» (да и сейчас наше поведение, прямо скажем, в ряде случаев не способствует любви окружающих нас народов). Мы — «евразийский мост между Востоком и Западом», но другой стороной этой ситуации является положение «ни рыба ни мясо», «ни Богу свечка, ни черту кочерга». Представим